

18+

Лилия Ёж
Осколки

Сборник рассказов

Ли́лия Ё́ж

Осколки. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Ёж Л.

Осколки. Сборник рассказов / Л. Ёж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-625176-2

Все мы осколки огромного Вселенского зеркала и каждый из нас отражает этот мир по-своему. Наверное, поэтому в схожих ситуациях мы ведем себя по-разному и на одни и те же вопросы имеем свое сугубо личное мнение. В этом сборнике рассказов есть истории, основанные на реальных событиях, а есть вымышленные. В каких-то, возможно, вы узнаете себя или своих знакомых, а какие-то вызовут непонимание или недоумение. Не удивительно. Ведь мы — осколки, каждый со своим внутренним миром.

ISBN 978-5-00-625176-2

© Ёж Л.

© Издательские решения

Содержание

Ася	6
Игра	9
Ира – джан	10
Анфиса	12
Варежки	15
Кошелек	17
ГОРОДОК	20
Два Василия	22
Джентльмен	23
Контрабандист	24
Муму	26
Мурка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Осколки

Сборник рассказов

Лилия Ёж

© Лилия Ёж, 2024

ISBN 978-5-0062-5176-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ася

– Пап, познакомься. Это – моя одноклассница Ася.

Алексей Юрьевич вздрогнул от неожиданности. С этим именем у него были связаны воспоминания юности.

Лешка тогда ехал на поезде из Владивостока домой, в Ростовскую область. За эти пятеро суток, что был в пути, перезнакомился со всеми пассажирами в вагоне. А в его купе уже дважды сменились соседи.

На очередной станции появилась новая соседка. Звали ее Асей. Маленькая, худенькая с еще не развитой, почти мальчишеской фигурой и короткой стрижкой. Смуглое лицо с детскими щечками, тонким носом и смеющимися черными глазами. Все это выдавало в ней бесшабашную, взбалмошную пацанку. Но она всем своим видом давала понять, что это не так. Платье в пол, небольшая шляпка, чемоданчик на колесиках. Двигалась и разговаривала медленно, степенно. А когда достала из чемоданчика томик Тургенева, Алексей окончательно растерялся, решив, что совершенно не разбирается в людях. Девушка – загадка привлекла все его внимание к себе. Она же, усевшись поудобнее на нижней полке, уткнулась в книгу, изредка поднимая глаза в окно. Иногда она похмыкивала, улыбаясь, будто прочла что – то смешное и Лешка, внимательно следивший за ней, не мог понять: что может быть смешного в конфликте поколений? Его познания в литературе сводились к тому, что Тургенев написал «Отцы и дети» про тот самый конфликт. Какой тут смех?

«Интересно, на сколько ее хватит? – думал Алексей, – когда она станет сама собой?» Ему казалось, что он видит, как борются между собой озорная пацанка и напускная барышня. Первой не терпится стянуть с себя неудобное длинное платье, надеть брюки, закинуть подальше классика. Вторая упорно сидела в платье, делала вид, что ей очень интересно читать.

На очередной станции Алексей вышел на перрон проветриться. Купив в киоске «Союзпечати» газету с кроссвордами, он придумал, как привлечь к себе внимание девушки. Взобравшись на свою полку, Лешка приступил к разгадыванию кроссворда. Все слова оказались знакомыми, но он все же решил отвлечь Асю от книги. Она без труда ответила на его вопросы, поразив эрудицией и подогрев еще больший интерес к своей особе.

Отложив книгу, Ася с интересом смотрела на молодого человека, ожидая новое задание.

– Ася. Забирайтесь сюда. Полка свободна. Так удобнее будет, – предложил Лешка, кивая на пустую соседнюю полку.

– Мне нужно переодеться, – ответила Ася и, полезла за своим чемоданчиком.

Буквально через десять минут она вернулась в спортивных брючках и майке. Сзади ее можно было принять за мальчика. Ловко взобравшись на полку, она подмяла под себя подушку и, положив на нее подбородок, с интересом посмотрела в окно. Теперь она была настоящая, с живыми человеческими эмоциями, без напускной неприступности. В ее смеющихся глазах отражались мелькающие за окном населенные пункты, леса и реки. Она безмятежно улыбалась, наслаждаясь видом. Алексей невольно залюбовался ею. Была в ней, в такой естественной девушке – пацанке, какая – то внутренняя красота. Ему захотелось протянуть руку и дотронуться до черного завитка, непослушно спадающего на шею, погладить по загорелой щеке. Но Алексей боялся спугнуть ее естественность. Боялся, что она опять превратится в барышню – недотрогу. И поэтому лежал тихонько, подперев голову рукой и смотрел на девушку, не отрывая взгляда. Именно в эти самые минуты у Лешки внутри что-то ёкнуло и он понял, что пропал и теперь не сможет жить без этих глаз, носа и улыбки. Они тихонько болтали, как старые знакомые. Тем более что общих тем было море. Как выяснилось, Ася учится в пединституте, окончила первый курс и едет в гости к бывшей однокласснице. А Алек-

сей в свое время окончил педучилище и сейчас учился в консерватории. Еще их объединял велоспорт, любовь к лошадям и классической музыке.

Ночью, на какой-то станции была остановка аж на пятнадцать минут. Алексей с Асей вышли подышать свежим воздухом. Он нежно взял девушку за руку. Она не отстранилась, только доверчиво посмотрела в глаза и улыбнулась. Какое это было наслаждение, просто молча ходить вдоль перрона. Ощущать ночную прохладу после душного вагона. И как коротки, оказывается, пятнадцать минут! Просто раз – и все. Почему такие минуты не длятся вечность?

Вернувшись в купе, заняли прежние позиции. И под сонное посапывание соседа снизу, продолжили прерванный прогулкой, разговор. Заснули уже под утро.

На следующий день, после обеда поезд остановился на большой станции. Алексей, открыл дверь тамбура не со стороны перрона, а с противоположной. Попал на междупутье, где находились краны с водой и заправочные шланги, напоминающие пожарные. Умывшись, он побежал в купе и потащил Асю за собой, обещая показать рай. Открыв воду и взяв шланг в руки, он радостно скомандовал: «Купайся!» Ася, громко смеясь, стала под струю воды прямо в одежде, подняв руки вверх и закинув назад голову. Алексей, не оставив на теле девушки ни одного сухого места, тоже встал под струю и облил себя с ног до головы. Закрутив кран, он вплотную подошел к Асе и, обхватив своими ладонями ее голову, нежно поцеловал в губы. Она закрыла глаза и задержала дыхание. Потом засмеялась и побежала в вагон, громко шлепая мокрыми тапочками.

После освежающего душа появился просто зверский аппетит. Алексей сбегал в вагон – ресторан и притащил, вопреки всем правилам, две порции гуляша с гречкой и салат. Проводница Леночка поворчала для приличия и улыбаясь, спросила: «На свадьбу хоть позовете?» Лешка с набитым ртом пообещал позвать ее на свадьбу свидетельницей, а Ася краснея, опустила взгляд в тарелку и жевала молча.

Ночь опять прошла без сна в разговорах. Но теперь Алексей лежал на одной полке с Асей. Сначала она запротестовала, с ужасом в глазах, кивая на соседа снизу. Но Лешка шепнул ей на ухо, что тот спит как хорек, чмокнул в щеку и, устроившись поудобнее, спросил у перепуганной Аси: «Так на чем мы остановились?» Постепенно ее голова переключалась к нему на плечо и он нюхал ее волосы, наслаждаясь запахом трав. Сердце от восторга стремилось выпрыгнуть из груди, пытаясь пробить грудную клетку. Оно громко и часто стучало. У Аси же сердце билось ровно, но щеки окрасились в бурчный цвет. А когда Леша поцеловал ее в губы, то и они заалели. Дыхание стало прерывистым и горячим.

– Аська, ты совсем не умеешь целоваться, – прошептал он смеясь.

Девушка вдруг сжалась в комок и, отпихивая его от себя, выдавила:

– Леша, иди к себе.

Лешка попытался ее поцеловать, но она отвернулась от него, отпихивая от себя рукой. «Дурак! Кретин! Самый настоящий кретин! Зачем я это сказал?», – ругал себя Алексей, лежа на своей полке и поглядывая на Асю. Она закуталась с головой в простынку и не шевелилась.

Проснувшись утром, Алексей обнаружил ее сидящей на нижней полке с книгой в руке. На его приветствие она сухо кивнула и продолжила чтение. Девочка—пацанка опять превратилась в девушку – недотрогу. Правда, платье она надевать не стала.

Лешка, чувствуя себя виноватым, вился ужом. Принес ей кофе с ароматными булочками. На очередной станции купил мороженое и шоколад. Пытался рассказать что-то смешное и интересное. Едва улыбнувшись, она возвращалась к чтению.

Приближался конец Лешкиного путешествия. Он переоделся, сложил вещи.

– Ась, поехали ко мне. Погостишь денька два-три, а потом к подруге, – с мольбой в голосе произнес Алексей, подсаживаясь к девушке. Ася удивленно подняла на него глаза.

– Что? Ты уже выходишь?

– Да. Через двадцать минут моя станция. Прости меня, я ночью глупость сказал. Ась, пойдем со мной.

Девушка смотрела на него доверчивыми глазами и улыбалась.

– А чем мы будем заниматься?

– Гулять будем. У нас очень красивые места. Речка есть. Можно купаться сколько хочешь, хоть целый день. А вечером в кино. Я тебя со своими бывшими одноклассниками познакомлю.

И тут Лешка осекся. Как он ее им представит? Если привез девушку в деревню, то невесту. А какая она ему невеста? Знакомы три дня. Ну, целовались. Так что ж теперь, жениться что ли? Нет. Он к этому не готов.

Заметив появившуюся задумчивость на лице Алексея, Ася грустно произнесла:

– Я бы с удовольствием. Но что подумают обо мне твои родители? Только познакомились и сразу в гости.

Родители!.. О них-то Лешка и не подумал. Отец, он уверен, нормально отнесся бы к визиту девушки, а вот мама... Она отличалась пуританской строгостью. Одним словом – учительница. Был в его жизни неприятный эпизод. Когда мама не пустила на порог девушку, с которой Лешка пытался дружить в 10 классе. Из девушек она признавала только его одноклассниц, которых знала с детства. Все остальные для нее были гулящими, безнравственными девками. А это вообще девушка с поезда. Кто она? Откуда? Понарассказывать о себе можно все что угодно. И Алексей засомневался: «Может, не надо было приглашать в гости?»

Видя его нерешительность, Ася продолжила:

– Да и подруга ждет. Волноваться будет.

– Ну, как знаешь, – коротко ответил Алексей, выдохнув с облегчением.

Чтобы окончательно прекратить этот разговор, он пошел по вагону попрощаться со знакомыми пассажирами.

Алексей, вернувшись домой, обнаружил, что родителей нет. Он по своему обыкновению, не предупредил о приезде. Соседка сказала, что они уехали к папиным родственникам. Лешка два дня жил один. «Трус. Так мне и надо. Такую девчонку потерял!»

На следующий день вечером Алексей Юрьевич, так и не остыв от воспоминаний юности, полез в свой старый чемодан, пылящийся под кроватью. В нем он хранил свои школьные, студенческие фотографии, дипломы, грамоты и ту самую книгу, которую оставила на память Ася. Он ее так и не прочел.

Усевшись поудобнее в кресло, начал читать. В каждой строчке Тургеневской «Аси» он узнавал себя и ту Асю. Обе Аси были похожи внешне и поведением. А он струсил так же, как главный герой. Побоялся общественного мнения, ответственности и потерял навсегда. Читая книгу, он заново пережил вдруг возникшую и тут же потерянную любовь.

На предпоследней странице, крупным почерком было написано: «Мой телефон 32-3-72. Код 871. Ася»

Игра

Пашка подошел ко мне сзади, положил свои теплые большие ладони на мой живот и шепотом спросил:

– Как поживает наша Кирочка? А может все-таки Сашка?

Я неопределенно пожала плечами и ловко перевернула поджарившийся блин на сковородке. Уже вторую неделю мы играем в игру «Лиля беременная». Если честно, то быть беременной очень даже приятно. Паша окружил меня трепетной любовью и своим безграничным вниманием. За столом все лакомые кусочки достаются мне.

Я набралась наглости и начинаю этим пользоваться. Позволяю себе немножко полениться, поспать подольше и иногда даже не приготовить ужин. Волшебные слова: «Меня подташнивает» – ключ к моему безделью и сочувствию со стороны Пашки.

Сначала я пыталась ему объяснить, что у меня просто задержка, перебои с циклом, а не беременность. Но Паша и слушать меня не захотел, тут же объявил себя будущим отцом ребенка. Я в шутку подыграла ему и теперь сама втянулась в эту ложь с моей стороны.

Каждое утро у меня начинается с теста на беременность и, я вижу одну четкую полоску, которая говорит, что не будет никакой Киры и никакого Сашки. Каждое утро я собираюсь показать ему эту полоску, но сдерживаюсь.

Мне жалко рушить его иллюзии и в тоже время ужасно стыдно врать. Мы долго выбирали имя для нашего ребенка. Я сказала, что хочу девочку Киру. Паше это имя не нравится, но он согласился, только чтобы не расстраивать меня. Потом признался, что очень хочет сына и назовет его Александром в честь своего отца.

Я знаю, Паша был бы замечательным отцом. Его не напугаешь грязными пеленками и бессонными ночами. Он это уже прошел двадцать семь лет назад, когда сам воспитывал дочь. И я это прошла со своими девочками.

Мне хочется родить ему ребенка. Хочется прожить еще одну беременность, прочувствовать каждый толчок маленькой пяточки. Это так приятно – знать, что внутри тебя живет крошечный человечек, который видит мир твоими глазами.

Я бы постаралась показать ему все самое лучшее: первые лучи восходящего солнца и малиновый горизонт заката, чарующую синеву моря и пушистые как пух облака, радужно переливающимися капельку росы на траве и тугой бутон алого тюльпана, клин диких гусей в вечернем небе и божью коровку с одним черным пятнышком.

Я бы дала ему послушать самые лучшие звуки на Земле: произведения Бетховена в звучании органа, майские трели соловья, шум морских волн, перекачивающих камешки, шелест листвы на ветру и тишину до звона в ушах.

А еще мы бы с ним вдыхали аромат сосновой смолы в бору, приторно – сладкий жасмин, что растет большим кустом у калитки и нежный запах ландышей, связанных в маленький букетик. Все было бы именно так.

Но в нашем с Пашкой возрасте поздно думать о детях. Можно только играть в беременность, решать, где будет стоять детская кроватка, на каком музыкальном инструменте будет играть наш ребенок и какие книжки читать. А еще представлять меня в последний месяц беременности, когда я буду похожа на бегемота и, смеяться над этим. Меня он называет: наша мамуля. Я отрываюсь и выпячиваю живот. Перед сном Паша желает спокойной ночи всем: мне, Кире и на всякий случай Сашке. А вдруг?

Утром тест упрямо показал одну полоску. Сказать ему правду или продолжать дальше играть в беременность?

Ирка – джан

Ирка была – дылдой. В школьной шеренге стояла самой первой и мальчишки – одноклассники, которые дышали ей в пупок, обзывали: «Тетя достань воробушка». Она давала им звонкие подзатыльники и косилась на старшеклассников.

В продуктовом магазине Ирку иногда называли девушкой. Она очень этим гордилась и всячески старалась избавиться от тонких мышинных хвостиков – непременным атрибутом школьниц.

Ирка долго уговаривала и задабривала родителей, чтобы они разрешили ей подстричься под каре. Наконец, они дали добро. Она мечтала произвести фурор, придя в школу с новой прической, но не удержалась и похвасталась одноклассникам: «А я сегодня в парикмахерскую иду. Подстригаться под каре».

– Тебе не пойдет, – сказала Юля Сорока, оценивая разглядывая Иркины мышинные хвосты, выглядывающие из – под больших белых бантов.

– Это еще почему? – обиженно спросила Ирка.

– Волосы у тебя тонкие. Будут висеть, как сосульки, – пояснила, ухмыляясь Юля и, поправив свою толстую русую косу, вышла из класса.

Ирка ничего ей не ответила, только показала вслед однокласснице язык и, скорчив рожицу, сказала: «Бе – бе – бе».

«Посмотрим, что ты завтра скажешь, когда я приду с прической», – подумала она и побежала домой.

В парикмахерскую пошли с мамой. Там оказалась очень много теток разного калибра. Одни сидели с бигудями, другие с трубочками из фольги, нанизанными на волосы, третьи перемазанные краской. В парикмахерской стоял резкий запах аммиака и ацетона.

Мама подошла к рыжеволосой женщине в синем фартушке. Что-то сказала ей на ухо и кивнула на Ирку. Женщина указала пальцем на кресло под большим и глубоким колпаком – феном: «Пусть там подождет».

Ирка послушно уселась и стала ждать, разглядывая теток, похожих на инопланетянок. Мама ушла домой, готовить ужин. Тетки сновали туда – сюда. То сушились, то мыли голову и так по кругу. Вскоре Ирку согнали с насиженного места и, она пересела на высокий крутящийся стул.

Из-за ширмы вышла молодая женщина в таком же фартушке, как рыжеволосая. В руке у нее была маленькая баночка с черной краской, которую она быстро мешала стеклянной палочкой, ни на секунду не останавливаясь. При этом женщина разговаривала по мобильному телефону, прижимая его к щеке высокоподнятым плечом.

Она подошла к Ирке и стала красить ей брови черной краской.

– Мне не... – хотела остановить ее Ирка, но женщина недовольно округлила глаза, заставив замолчать и, сказала в трубку: «Да ты что? А он? А она?».

Ирка сидела, как каменная, боясь пошевелиться и посмотреть на себя в большое овальное зеркало. Женщина на несколько минут скрылась за ширмой. Потом вынырнула оттуда, все так же прижимая телефон к уху. Протерла Иркины брови, ваткой смоченной какой-то жидкостью и сказала: «Готово».

Ирка повернулась к зеркалу и не узнала себя. На нее смотрела совершенно незнакомая армянская девочка с черными широкими бровями. Ирка в ужасе закрыла лицо ладонями и побежала домой, подсматривая сквозь узенькие щелочки между пальцев. Больше всего на свете она боялась встретить кого –нибудь из знакомых.

Дома Ирка пыталась отмыть брови хозяйственным мылом, стиральным порошком и даже «Пемолуксом». Кожа вокруг бровей покраснела и опухла. Слезились глаза, а краска не поддавалась отмыванию. Вот что значит качество.

На следующий день в школе Ирка получила новое прозвище – Ира – джан. Под каре она так и не подстриглась, но зато сделала спиральную химию, от чего еще больше стала похожа на армянку.

Анфиса

В кармане брюк Игоря Анатольевича неожиданно завибрировал телефон, заставив его замереть на несколько секунд. Он перестал жевать кусок жареного мяса и, прислушался. Беззвучную вибрацию сменил траурный марш Шопена. Игорь Анатольевич тяжело вздохнул и быстро пережевывая, полез в карман за телефоном.

На экране высвечивалась, без сомнения, надпись: «Анфиса». Так звали кошку, чья хозяйка не давала покоя Игорю Анатольевичу – лучшему ветеринарному врачу небольшого городка N. ни днем, ни ночью, вот уже трое суток. И что самое печальное, что он не смог поставить диагноз Анфисе. На его высокопрофессиональный взгляд кошка была абсолютно здорова. На хозяйский же взгляд, она была при смерти.

За эти трое суток Игорь Анатольевич лично осматривал Анфису восемь раз под неумолкаемые причитания ее хозяйки – ухоженной пышногрудой блондинки лет пятидесяти.

Траурный марш, разливающийся по кухне ветеринарного врача, не сулил ничего хорошего. Игорь Анатольевич окинул печальным взглядом румяные свиные ребрышки и воздушное картофельное пюре.

– Алло, – сказал он, как можно буднично.

– Игорь Анатольевич! Срочно приезжайте! Анфисочке совсем плохо, – истерично завизжал телефон.

– Валентина Федоровна, успокойтесь. Что произошло?

– Она... Она упала с дивана. Приезжайте скорее – в трубке послышались всхлипывания и, Игорь Анатольевич сдался.

– Хорошо. Сейчас буду.

Оживленные и украшенные гирляндами разноцветных фонариков улицы и елки остались незамеченные Игорем Анатольевичем. Вся эта предпраздничная суeta шла сейчас мимо него, никак не затрагивая. Да и вообще у него было предчувствие, что и праздника то не будет, если он не поймет, что происходит с Анфисой. Колоть витамины упитанной холеной кошке было делом совершенно бестолковым, но в данном случае единственным, чтобы хоть как-то спасти репутацию лучшего ветеринара города. Совсем ничего не назначить своей пациентке он не мог. Не поставить диагноз тоже. Поэтому пришлось выдумать на ходу несуществующую, но крайне редкую кошачью болезнь под названием «Острая нетипичная дезориентация». Признаками болезни были, по словам хозяйки: слепота, отсутствие обоняния, потеря аппетита. Теперь вот еще и с дивана упала.

– Полная дезориентация, – сделал заключение Игорь Анатольевич, подведя тем самым итог своих раздумий.

Анфиса – яркая представительница шотландской вислоухой породы привычно возлежала на своем мягком диванчике оливкового цвета, гармонично втиснутого на балкон. Рядом с диваном также привычно стояли полные керамические миски, предназначенные явно для собак, с сухим и влажным кошачьим кормом, и водой.

Как не пытался вразумить хозяйку Игорь Анатольевич, что кормить лучше каким – то одним видом корма, та и слушать не хотела. «А вдруг Анфисочке захочется».

Если судить по габаритам Анфисочки, то можно сделать вывод, что есть ей хотелось всегда. И только три дня назад, по словам Валентины Федоровны у кошки пропал аппетит. Она тыкалась мордой в кормушку. Ела не спеша. Осторожно. К тому же ходила неуверенной поступью, слегка пошатываясь. «Это от голода», – всхлипывала хозяйка, глядя на свою любимицу.

Игорь Анатольевич присел на краешек дивана рядом с Анфисой и погладил ее по голове. Кошка брезгливо поморщилась и попыталась отстраниться. Ее огромные оранжевые глаза смотрели на него внимательно и не по – доброму. Игорь Анатольевич бесцеремонно потрогал

пальцем кошачий нос. Он был, как и положено прохладным и влажным. Этого Анфиса стерпеть уже не смогла, попятилась назад и грозно зашипела.

На кухне истошно засвистел чайник и хозяйка, стоящая до этого за спиной Игоря Анатольевича, убежала. Он выковырял ногтем кусочек мяса, застрявший у него между зубов. Зачем – то понюхал его сам и сунул под нос Анфисе. Другая кошка на ее месте тут – же слизала бы подношение или хотя бы понюхала. Эта же отпрянула от руки и отвернулась.

«Такое ощущение, что у нее пропал нюх», – рассуждал Игорь Анатольевич, рассматривая кошку. И чем больше он на нее смотрел, тем больше ему казалось, что с ее мордой что-то не то. Но что?

Прибежала Валентина Федоровна и засопела за спиной, мешая думать. По дороге к ней Игорь Анатольевич уже придумал план спасения новогодних праздников. Он заберет Анфису к себе домой для круглосуточного наблюдения. Иначе не видать ему привычного и шумного застолья в кругу родных и друзей. Только вот осталось озвучить это предложение хозяйке. Вряд ли она согласится расстаться со своей любимицей, но попытаться стоит. Иначе все пропало.

Начал он осторожно:

– Валентина Федоровна, я вам уже говорил, что у вашей Анфисочки редкая болезнь

– Да-да-да. И откуда такая напасть на нашу девочку.

– Валентина Федоровна, чтобы изучить и понять до конца, как нам лучше лечить Анфису, я бы хотел забрать ее к себе. На время.

– Но как же... – начала было Валентина Федоровна.

– Это для ее же блага. Подумайте хорошенько. Не смею настаивать, но... настойчиво рекомендую согласиться с моим предложением.

Валентина Федоровна беспомощно оперлась о дверной косяк и заплакала.

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Я ее обязательно вылечу, – затарахтел Игорь Анатольевич, заметив, что хозяйка дала слабину.

– Вы ее хотите прямо сейчас забрать? – спросила она дрожащим голосом.

– Могу вечером. Как вам будет удобно.

– Вечером. Если можно. Я соберу ее принадлежности.

Игорь Анатольевич быстро встал с дивана и направился к выходу, желая как можно быстрее сбежать отсюда, чтобы не слышать всхлипываний Валентины Федоровны. В узком и темном коридоре ему в живот врезалось что-то маленькое и колючее.

– Ой! Ой! – запищало оно тоненьким голосом.

Загорелся свет, включенный шедшей сзади хозяйкой и, Игорь Анатольевич увидел перед собой девочку лет пяти – шести с несуразно короткой челкой и огромными карими глазами на худеньком личике.

– А кто это у нас такой шустрый? – мягко спросил он, наклонившись над девочкой.

– Лена, я же тебе сказала не бегать, – принялась ее отчитывать Валентина Федоровна и добавила, уже обращаясь к доктору:

– Это мне любимый сыночек внученьку подкинул, а сам уехал отдыхать в Таиланд. Вот и воюем. Купила ей такую красивую куклу, Игорь Анатольевич, а она ее подстригла. И себе вон челку подравняла.

– Я парикмахером буду, – сказала девочка, глядя исподлобья на бабушку.

– Конечно, будешь, Леночка. Самым лучшим парикмахером на свете – ответил за бабушку Игорь Анатольевич, улыбнулся девочке и радостно выпорхнул из квартиры. Его осенило.

Кто бы мог подумать, что кошачья болезнь совсем не болезнь, а проказа маленькой худенькой девочки. Но выдавать ее он не собирался. У нее и без того отношения с бабушкой

совсем не близкородственные. А если бабуля узнает, что внучка остригла ее любимой Анфисе усы, то ей точно несдобровать.

Да. Именно усов – то и не хватало на кошачьей морде, поэтому она казалась Игорю Анатольевичу какой-то не такой. Ну и симптомы болезни теперь вполне понятны. Без усов, то есть вибриссов кошки, как слепые. У них пропадает и осязание, и обоняние.

«Все! Диагноз поставлен! Теперь можно жить и встречать новый год спокойно. Праздник спасен. А кошка? Да, пусть у меня поживет. Может хоть чуток похудеет. Ей будет на пользу», – радовался Игорь Анатольевич, возвращаясь домой.

Варежки

Предпраздничная суета. В супермаркете не протолкнешься. Держу в руке совсем небольшой список продуктов и клятвенно обещаю сама себе за его рамки не выходить. В итоге вышла из магазина с двумя полными пакетами и полупустым кошельком.

После душного помещения, в лицо дунул холодный ветер. Мороз пощипывает нос. Я поехала и направилась к остановке. Пропустив несколько полных маршруток, поняла, что сегодня доехать до дома не судьба. Сама бы втиснулась, но пакеты...

«Ладно, прогуляюсь», – решила я и, направилась в сторону дома. Ходить пешком я люблю, но все же есть одно неприятное обстоятельство в сегодняшней прогулке, это то, что я забыла дома варежки. Да. Именно варежки. Перчаток не признаю, считаю, что они не греют, а так, для красоты только. Пройдя минут пятнадцать, чувствую, что руки коченеют и не слушаются.

Рядом с поликлиникой стоят лоточники. Кто с медом и сушеными травами, кто с молочной продукцией, кто с кондитерской, а одна женщина торгует носками, перчатками и варежками. Вот, кому я несказанно обрадовалась. Купила варежки и отогрев в них руки, подумала: «А ведь я не одна такая, кто варежки дома забыл». И мне вдруг захотелось побыть в роли Деда Мороза. Вспомнилась детская мечта о том, как я хотела иметь большой мешок с подарками, ходить с ним и одаривать всех вокруг. «А почему бы сейчас этого не сделать? Взять, да и подарить людям тепло». Вернувшись к лоточнице, скупил у нее все варежки. Их оказалось четырнадцать пар. И, вдохновленная своей идеей, быстро пошла домой.

Напившись горячего чая, я нашла в шкафу красный колпак с прошлогоднего корпоратива, напялила его поверх шапки и, сложив варежки в рюкзак, отправилась дарить людям тепло.

Став на перекрестке возле светофора, разглядывала прохожих. Очень скоро увидела результат своего поиска – женщину без варежек. В одной руке дама несла сумку, а вторая была занята телефоном, по которому она разговаривала. Я подумала, что нетактично вмешиваться в разговор, поэтому молча и с улыбкой протянула женщине варежки. Та остановилась, отодвинула меня локтем, не отрываясь от телефонного разговора и пошла дальше. Я слегка опешила, но решив, что дама, наверное, слишком занята, тут же забыла про нее. Тем более, по пешеходному переходу шел мужчина, которого мне захотелось одарить.

– Возьмите, – сказала я, протягивая мужчине варежки.

– Что? – не понял он.

– Варежки возьмите. У вас руки замерзли, – улыбаюсь и держу перед ним варежки.

– Нет. Спасибо. Мне ничего не надо, – отмахнулся от меня мужчина, и ускорил шаг.

«Да что же это такое! Совсем одичал народ», – думаю, провожая его долгим взглядом.

Вдруг кто-то похлопал меня по плечу, от неожиданности я ойкнула и обернулась. Рядом с мной стоит та самая лоточница, у которой я скупил все варежки.

– Почему продаешь? – строго спрашивает она.

– Я не продаю, – честно признаюсь ей.

– А тогда зачем людям в руки суешь? Я же видела, – не поверила лоточница.

– Бесплатно отдаю, но никто не берет, – пытаюсь объяснить.

– Больная что – ли? – не то спросила, не то сделала заключение лоточница, разглядывая меня, с не скрываемым подозрением.

У меня от обиды подкатил ком к горлу. Я молча повернулась и пошла в сторону своего дома. Слезы катились по щекам крупными каплями. «Вот и делай после этого людям добро. Боже, во что мы превращаемся. Помешаны на деньгах, в бескорыстие никто не верит», – размышляла я, вытирая слезы варежкой.

– Я могу вам чем-то помочь? У вас что-то случилось? – остановил меня мужчина в длинном черном пальто и шапке-ушанке.

– Нет. Все нормально. Это я так...

Мужчина достал из внутреннего кармана пальто носовой платок.

– Возьмите. Вам пригодится. Вытрите щеки, а то обморозите, – заботливо сказал он, протягивая мне свой платок, – вы не волнуйтесь, он чистый.

– Спасибо, – вяло ответила я.

Взяла платок, вытерла им щеки и нос. Оглянулась на удаляющуюся фигуру мужчины и сделала вывод, что добрые дела все равно нужно делать, несмотря ни на что.

Проходя мимо автобусной остановки, я обратила внимание на двух девчонок-студенток. Обе в коротеньких, не по сезону, курточках, без шапок и, понятно, без варежек. Уже без всякой надежды совершить сегодня доброе дело, подошла к ним.

– Девчонки, держите варежки. Совершенно бесплатно. Подарок на Новый год.

– Ух, ты! Клево! – обрадовалась одна из них, одевая варежки на свои озябшие руки, – Спасибки.

– А шапок у вас случайно нет? – смеясь, спросила вторая.

– Нет. Шапок, к сожалению, нет, – уже улыбаясь, ответила я.

– Ой! А можно мы вам тоже подарок сделаем? – спохватилась одна из девочек, открывая свой рюкзачок.

– Мне? – удивляюсь.

– Ну, да. Вам. Вот, держите, – и протянула мне шоколадку «Вдохновение», – с наступающим!

Настроение у меня улучшилось. Пряча шоколадку в рюкзак, вытащила еще одну пару варежек. Эти самые симпатичные. Огляделась по сторонам. Внимание привлекла пожилая женщина, выгуливающая пекинеса. Она куталась в шерстяной платок и потирала озябшие руки.

– Здравствуйте. Варежки забыли? – спрашиваю у нее.

– Здравствуй, деточка. Не нашла – Бимка мой припрятал куда-то, – с досадой ответила та.

– Возьмите варежки, – сказала я и поспешила добавить, – бесплатно.

– Спасибо. Как зовут тебя, спасительница моя? – поинтересовалась женщина.

– Елена.

– Хорошая у тебя душа, Леночка. Молиться за тебя буду.

Она бы еще поговорила, но Бимка не хотел стоять на месте и, натягивая поводок, торопил свою хозяйку.

Я, пройдя несколько шагов, обернулась и увидела, как старушка улыбается мне в след и крестит. «Совсем, как моя бабуля», – подумала я и, так на душе стало радостно.

«Уже скоро Новый год, пусть в нем будет больше тепла и света, пусть все люди будут счастливы, и я постараюсь творить добро, пока есть те, кому это нужно».

Кошелек

В одном сером, унылом пятиэтажном доме. В однокомнатной «хрущевке» жила средне-статистическая российская семья. Из одного кредита выбиралась, в два других влезала. Почти вся зарплата трудоспособного члена семьи, то есть, отца, уходила на погашение этих самых, треклятых кредитов.

Супруга не работала по причине хронического нездоровья, сидела дома, занималась воспитанием двух малолетних детей и собаки. Отец крутился, как белка в колесе, на трех работах, но денег катастрофически не хватало.

Одним летним, погожим деньком Светлана, так звали мать семейства, вышла выгулять песика долматиновой породы – Графа. Граф был, понятное дело, благородных кровей, поэтому заднюю лапку свою поднимал исключительно на колеса дорогих иномарок.

Обмочив, по обыкновению, колесо «Лексуса» и, уже направившись к рядом припаркованному «Мерсу», Граф приостановился, принялся и вернулся. Заглянул под днище «Лексуса» и вытащил на свет божий мужской кошелек из коричневой кожи.

Хозяйка вырвала из пасти кобеля находку и хотела запустить обратно, но любопытство взяло верх. На всякий случай, поозираясь по сторонам на предмет слежки и убедившись, что на нее, кроме Графа, вообще никто не обращает внимания, она открыла кошелек и ахнула. Столько денег Светлана в жизни не видела. Швырять находку обратно теперь не поднималась рука. «Что делать? Куда девать эти деньги? А вдруг они краденные?», – метались мысли, как снежинки во время вьюги, в Светкиной голове. «Ладно. Возьму кошелек домой. У Юрки спрошу, что с ним делать. Он – мужик умный, что-нибудь да придумает», – решила Светлана, положив находку в карман ситцевого халатика, и потянула собаку домой.

Супруг должен был вернуться домой с суток только на следующий день в девять часов утра. Светку раздирало любопытство: «Сколько денег в кошельке?». Она брала кошелек в руки, открывала, жадно смотрела на многочисленные купюры и испуганно закрывала обратно, пряча в комод под выглаженные комплекты постельного белья.

Ночью ей снились кошмары. И вот, долгожданное утро. Услышав щелчок открываемого замка входной двери, Светлана заметалась по кухне, не зная, чем себя занять. Схватила тряпку и стала натирать кафель возле газовой плиты. Муж заглянул на кухню.

– Привет. Что-то случилось? – спросил он, изображающую бурную деятельность, жену.

– Нет. А что? – ответила та.

– Да, вид у тебя какой – то странный. Как будто мешком по голове ударили, – связывил муж.

– Юра! Я кошелек нашла! – заорала на всю кухню Светка.

– Какой еще кошелек? – недоумевал уставший супруг.

– С деньгами! Юра! Много денег! – захлебывалась слюной жена.

Отодвинув рукой мужа с дверного прохода, она понеслась к комоду и уже привычным движением руки, не глядя, извлекла из-под накрахмаленных, наглаженных простыней, коричневый кошелек. Юра стоял в проходе, не шевелясь, как будто у жены в руках была граната.

– Где нашла? – серьезно спросил он.

– Во дворе. Граф нашел под машиной, – ответила супруга.

– Ты его открывала? – прямо интересовался муж.

– Да! Там денег куча! – восторгалась Светка.

– Считала? – словно ведя допрос, спрашивал Юра.

– Нет. Побоялась, – отрицала жена.

– Ну, хоть на это ума хватило. А вот в дом зря принесла. Вдруг ворованные. Залапала, наверное, весь кошелек своими ручищами, – и, глядя на перепуганную жену, спросил: «Перчатки есть?»

– Резиновые? – уточнила та.

– Ну, не шерстяные же? – выходя из себя, крикнул Юра.

– Ага. Есть. Желтые, хозяйственные. Пойдут? – вопрошала жена.

– Давай свои желтые, хозяйственные, – пытаюсь говорить спокойно и принимая равнодушный вид, разглядывал кошелек Юрий.

Светка кинулась в ванную комнату, чем-то там гремела, чертыхаясь и вскоре появилась с перчатками цыплячьего цвета. Юрий со скрипом натянул перчатки на свои натруженные, мозолистые руки и открыл кошелек.

– Ого! Интересно. Они вообще настоящие? – не верил своим глазам муж.

Вытащил увесистую пачку денег и принялся считать. Руки в перчатках были, как чужие – не слушались. Поэтому Юрий считал медленно, проговаривая вслух и по слогам цифры. Денег в кошельке оказалось двести двенадцать тысяч четыреста пятьдесят рублей. Несколько купюр он просмотрел на свет.

– Вроде, настоящие, – заключил Юрий.

Во втором отделении кошелька лежали «водительское удостоверение» на имя Грабского Бориса Александровича, 1960 г.р. и несколько банковских карт. В третьем отделении кошелька находились визитки из черного бархата с золотыми буквами каллиграфического почерка, на коих было выведено: «Грабский Борис Александрович. Скульптор» и номер мобильного телефона.

– Ну, вот и хозяин нашелся! Скульптор. Не знал, что скульпторы столько зарабатывают, а то бы тоже научился лепить.

Юрий достал из кармана телефон и, не раздумывая, набрал номер, указанный в визитке:

– Борис Александрович? Это... Наша собачка ваш кошелек нашла. Водительское удостоверение? Да, на месте. И деньги тоже. Мы? На улице Кошевого, семь. А вы? Так мы соседи, выходит. Я сейчас во двор выйду, вынесу вам.

Сняв перчатки и взяв кошелек, Юрий уверенным шагом направился к двери.

– Юра! Подожди! Я с тобой! – сбрасывая на ходу домашние тапочки и заскакивая в шлепки, кричала Светка.

Одновременно с ними из подъезда новой элитной высотки, которую они возненавидели всем сердцем за время ее строительства из-за круглосуточных строительных работ, не дававших им покоя ни днем, ни ночью, а еще больше – из-за того, что она закрывала собой Солнце, вышел мужчина с аккуратной седой бородкой, в джинсах молодежного фасона и белой футболке.

– Нашлась пропажа. Ну, Слава Богу! – еще издали начал говорить мужчина, глядя на кошелек в Юриных руках.

– Мы под машиной нашли, – поспешила встрять Светка.

– Собачка нашла, – пояснил супруг.

– Здравствуйте ближе. Борис, – представился мужчина, протягивая руку Юре и улыбаясь Светлане.

– Юрий. Вот. Ваш? – протянул кошелек Юра.

– Мой родимый! Второй день его ищу. Без прав никуда выехать не могу, а у меня работа стоит. Я скульптор, знаете ли.

– Да, знаем. Визитки ваши видели.

Борис открыл кошелек. Из второго отделения вытащил водительское удостоверение, банковские карты. Из третьего отдела извлек визитки из черного бархата с золотом.

– Спасибо, ребятки. А это возьмите себе в знак благодарности. Сейчас водительские права восстанавливать такая морока, а банковские карты – тем более, – и протягивает кошелек с деньгами оторопевшему и одновременно онемевшему Юре.

Тут Светка из-за Юриной спины выпрыгнула, как черт из табакерки.

– Вы что думаете? Мы из-за денег? Мы честные люди! Нам ваших денег не надо! – она это все не просто говорила, а орала, брызгая слюной с таким оскорбленным видом, как будто ей милостыню подали, а она самая что ни на есть королева Англии.

Улыбка с лица Бориса исчезла вместе с протянутым кошельком.

– Не нужны деньги? Давайте я вам отдых в Турции организую, у меня там свой бизнес? – уже без энтузиазма предложил он.

– Какая Турция? Какой отдых? Еще мы по заграницам не ездили! Помешались все на этой Турции! Мы отдыхаем у нас, на Черном море! Понятно Вам? И нам от вас ничего не надо! Мы честные люди и деньги сами зарабатываем! Пошли, Юра!

Она схватила Юрку за руку и, что есть мочи, потянула домой.

– Извините, – только и успел сказать рано состарившийся, с мешками под глазами после суток, уставший от вечных долгов и трех работ, Юра. А на черноморском побережье он в первый и в последний раз отдыхал в далеком-далеком детстве.

ГОРОДОК

Угораздило меня родиться в самом нереспектабельном районе нашего города, сиротливо приютившегося прямо на границе между промзоной и собственно, самим городом. Наш район местные жители называли «городком», хотя он состоял всего из одной длинной и извивающейся улицы. Мой дед Михей говорил про нашу улицу и неровные ряды, выглянувших из-под земли ростков картошки: «как бык поссал».

Дед за словом в карман не лез, выражался всегда точно и емко, без всяких там: «Ну, это... как его» и прочего словесного мусора. Мог иногда и ругнуться, типа: «твоюбогодушумать». Говорил на выдохе, одним словом и, при этом, мрачнел лицом.

Обычно мне доставалось из-за соседа Вадика. Мы с ним росли без отцов. У меня хоть дед был, а вот Вадька рос с вечно пьяной и нечесаной матерью. Наверное, поэтому он был совсем без тормозов и как выражался мой дед: «с шилом в жопе».

У Вадика все время были какие-то бредовые идеи в голове. То он хотел отправиться в полярную экспедицию на Север, благо его в рейсовый автобус без денег не пустили.

То искал клад у толстой бабы Капы в огороде под старой вишней. Ох и влетело ему тогда от матери. Била она Вадьку шнуром от старого утюга. Он мне потом показывал красные выпуклые шрамы по всему телу.

Я бы от такой матери точно сбежал, а Вадик ее почему-то любил и даже жалел, когда она сидела облеванная на полу кухни, отравившись паленой водкой.

Когда нам было лет по двенадцать, он дежурил на заправке с ведром и тряпкой, приставал к мужикам, говоря жалобным писклявым, как у девчонки, голосом:

– Дяденька, давайте я вам стекло помою.

Мало кто отказывал худому оборванному пацану с мокрыми от слез глазами. К вечеру Вадик был богат. Он бежал домой, размахивая пустым ведром и придерживая грязной рукой мелочь в кармане.

Мне тоже хотелось иметь свои деньги, чтобы купить жвачку со вкусом клубники или мое любимое кофейное мороженное в стаканчике, но я не знал, как заработать. На заправку меня не пустил дед. Пригрозил своим огромным кулаком и все. Этого было достаточно.

Все лето я просидел на диване с книжками, радуя тем самым деда. Он хлопал меня по плечу и приговаривал: «Говорила мне мама: „Учись, сынок“, а я не послушал. Так неучем и остался. Ты читай, читай Петька. Учение – это свет, а не ученье – тьма. Так-то, дружок».

Герои книг затягивали меня в свой мир, который был гораздо интереснее настоящего. Иногда мы встречались с Вадиком в нашем условном месте – на чердаке полуразрушенного деревянного сарая. Я ему рассказывал про Робинзона Крузо, он мне про то, куда выгоднее сдать металлолом. Я ему про детей Капитана Гранта, а он мне про то, где можно купить старенький, но исправный велосипед.

Хоть мы и жили по соседству, в одном доме на два хозяина, было такое ощущение, что мы отдаляемся друг от друга все дальше и дальше. Вадьку интересовало только то, как и где заработать деньги, я же ушел с головой в учебу, мечтая поступить в мединститут.

Окончив школу, я уехал в областной город и стал студентом. Дед иногда приезжал ко мне, привозил провизию и новости нашего «городка». Вадькина мать умерла – замерзла пьяная, не дойдя до дома каких-то десять метров. Вадик же связался с бандитами. Так по – крайней мере казалось моему деду.

Во время каникул я приехал в «городок», нужно было заменить старый шифер на крыше дома. Только принялся за работу, как меня окликнул Вадик, подъехавший на серебристой иномарке. Поболтали о том, о сем. Он пригласил в ресторан и похлопав себя по нагрудному карману, сказал:

– Я угощаю.

Мы с дедом провозились с крышей почти весь день. Я устал, аж до дрожи в коленках и понятное дело, в ресторан не пошел. Да и дед был против.

– Держись от Вадьки подальше, – посоветовал он мне.

Утром по городку поползли слухи, что Вадика застрелили в ресторане прямо за столом. Я белый, как свежесмытая стена пытался сказать деду:

– Я же... там... меня...

– Тебя Бог отвел, – твердо сказал дед, а я все думал о Вадике: «Жил человек и нет человека. А ведь он, наверное о чем-то мечтал». И я вдруг вспомнил. Когда мы были совсем маленькими, может лет по пять – шесть, Вадик мечтал найти своего отца.

– Дед, а ты случайно не знаешь, кто Вадькин отец?

– На кой тебе? – резко спросил он.

– Понимаешь, мечтал он когда-то найти своего отца. Я хочу исполнить эту мечту.

Дед задумчиво пожевал нижнюю губу. Закряхтел, ерзая на стуле. Откашлялся и не глядя на меня сказал:

– Я его отец.

Два Василия

В одном небольшом провинциальном городке, на улицах которого самыми высокими домами были трехэтажки, жил сантехник. Звали его просто – Василий. Жил он один. Был угрюм и неразговорчив. Да и с кем ему было разговаривать? Вызывали его жильцы домов, когда у них протекали краны и засорялись трубы. Они громко ругались, злились, как будто бы он был виноват в их несчастьях.

Василий молча ремонтировал, что-то менял и уходил домой. Больше всего он не любил жильцов старого дома на улице Садовой. Трубы в этом доме были тоже старые и поэтому все время текли. Залатает Василий трубу в одном месте, прорывает в другом. Жильцы злятся, Василий злится. Да так, что и не хотелось ему в тот дом вообще заходить.

«Возишься, возишься у них целый день, а они даже спасибо не скажут», — бурчал сантехник, когда начальство отправляло его работать в старый дом на Садовой.

И вот уже поздней осенью в нелюбимом Василием доме прорвало трубы отопления. Нужно идти ремонтировать, а он не хочет. День прошел. Второй. Жильцы звонят, жалуются на холод. На третий день пошел дождь. В домах и без того сыро и неуютно, а тут еще и отопление отключили. Жильцы дома на Садовой взвыли от холода. Перестали кричать и угрожать. Стали просить Василия, чтобы пришел.

Делать нечего. Надо идти, раз люди просят. Взял Василий инструменты, надел теплую фуфайку, резиновые сапоги и отправился. Жильцы встретили его в шубах и шапках. Кое – кто даже перчатки надел. Холодно в доме.

Жалко ему стало людей, а за себя стыдно, что так долго не шел к ним. Но когда он увидел мокрого котенка, сидящего на холодной трубе в подъезде, то сердце его сжалось еще сильнее. Снял Василий с себя фуфайку, закутал в нее котейку и принялся за работу.

Целый день с утра до самого позднего вечера менял он старые трубы и краны в доме на Садовой. Даже на обеденный перерыв не ходил. Жильцы иногда выглядывали из своих квартир, приглашали попить чаю или покушать у них. Но Василий отказывался, говорил: «Некогда мне чай распивать».

Когда на улице стало совсем темно и, перестали ездить машины, уставший, но довольный собой сантехник прислонился к теплеющей батарее. Котенок выбрался из фуфаечного кокона и устроился рядом с Василием. Он высох и превратился в пушистый серый комок с зелеными глазами и длинным хвостом. Из квартиры вышла пожилая женщина, закутанная в платок и, улыбаясь, обратилась к Василию:

– Намаялся, милоч? Вот спасибо тебе. Дай бог здоровья.

– Да не за что, – смущенно ответил сантехник, непривыкший слышать слова благодарности в этом доме. Он погладил котенка и тот замурчал, затарахтел маленьким трактором.

– Ишь, Васька – то запел, оттаял, – проговорила женщина и тоже погладила серый комок.

– Васька? А он чей? – поинтересовался Василий, сам еще не зная зачем.

– Да ничей. Приблудный он. Хотите себе забрать? – словно предугадала его мысли старушка.

– Ага.

Сантехник надел свою фуфайку, посадил за пазуху котенка и зашагал домой. Теперь у него началась совсем другая жизнь. Из угрюмого он превратился в веселого и разговорчивого сантехника. На работу ходил с хвостатым напарником Василием. А дом на Садовой стал его любимым. И если у них и случались какие поломки, они не ругались в трубку и не кричали, а просили, чтобы к ним пришли два Василия.

Джентльмен

Николай редко ходил на дискотеки. Танцевать он не любил. Музыка, которую там крутили, ему не нравилась. Поэтому, если и появлялся в клубе, то только лишь с одной целью – познакомиться с какой-нибудь девчонкой, когда надоедала очередная пассия. Расставался Николай легко, впрочем, как и знакомился. Высокий, широкоплечий блондин с широкой, открытой улыбкой нравился девчонкам.

Его появление в клубе среди серой массы недомерков -сморчков не осталось не замеченным. Он ловил на себе любопытные, выжидательные взгляды представительниц слабого пола и выбирал. Взгляд остановился на курносенькой, рыжеволосой девочке. А когда он пригласил ее на медляк, она залилась краской от смущения. Николай любил таких простушек – с ними было проще расставаться.

К середине танца он уже узнал, что девушку зовут Светланой, учится она в медучилище, на дискотеку пришла второй раз и она с подругой. Еще немного потоптавшись в танце, Коля предложил сходить в кино на последний сеанс. Показывали какой-то ужастик. На этот счет у него были свои философские взгляды: водить девушек на фильмы ужасов очень даже удобно. Буквально через пять минут после начала фильма она жметя к тебе, как родная, чуть-ли не на коленки лезет от страха. Фильмы ужасов сближают очень даже быстро, быстрее, чем мелодрамы.

Прожасавшись почти два часа, молодые люди вышли из кинотеатра с таким чувством, будто знали друг друга всю жизнь. Света громко смеялась и много разговаривала, получив изрядную дозу адреналина. Узнав, что девушка живет в районе аэропорта, Николай расстроился.

Во – первых, аэропорт находился очень далеко, пешком почти час идти.

Во – вторых, во время фильма он делал несколько попыток поладить Свету за интимные места, на что она возмущенно фыркала и отталкивала его руку. Сие означало, что сегодня Николаю ничего не светит. Это еще больше опечалило его. Пройдя Центральную улицу, свернули на Коммунальную. Шли не спеша. Погода была чудесная. Света без умолку что-то рассказывала. «Пустышка», – подумал Николай и, еще раз прикинув сколько идти до Светиноного дома, грустно вздохнул.

Через два квартала его дом, мама обещала на ужин вареники. Вспомнив о варениках, Коля еще раз оценивающе осмотрел Свету и сказал:

– Слушай. Мне тут до друга буквально на минутку заскочить надо. Давай зайдем?

Света кивнула, она готова была идти с ним хоть на край света. Подойдя к пятиэтажке, Коля остановился и, указав девушке на лавочку, предложил:

– Ты тут подожди. Я мигом туда и обратно.

Света послушно села на предложенную ей лавочку возле фонаря и доверчиво, глядя на Николая, попросила побыстрее возвращаться, а то ей страшно. Дома Коля, наевшись с аппетитом любимых вареников с картошкой и капустой, решил посмотреть в окно. Света так и сидела на лавочке.

– Вот дура, – сказал вслух Николай и пошел спать.

Контрабандист

Генка терпеть не мог ходить на почту, но приходилось бывать там каждый месяц, оплачивать коммуналку. Стоять в очереди с бабками – смерти подобно. И если в детстве ему казалось, что на почте пахнет сургучом, то теперь он ощущал запах валерьянки, корвалола и еще какой – то особо вонючей мази. Скорее всего, его ощущали и работники учреждения, поэтому старались обслужить старух по – быстрее.

Стоял так, стоял в очереди и, пришла ему в голову гениальная мысль: «А может бабкой переодеться?» Давно у Генки была мечта заработать кучу денег. Честным путем много не заработаешь. Воровать пробовал, да ребра переломали, еле жив остался. Теперь только при одной мысли о том, чтобы что-то спереть, начинали болеть кости.

«Контрабанда! Вот что принесет много денег», – придумал как – то на досуге Генка. Он даже знал, что пользуется спросом. «Наркотики», – скажите вы. Ну, это само собой.

Редкие животные! Вот что интересовало потенциальных Генкиных покупателей. А точнее не животные, а змеи. Генка не был герпетологом. Он просто был парнем без денег и с большой мечтой, поэтому змей не боялся вообще, даже ядовитых. Где взять? Кому отвезти? – вопросы решаемые, а вот как перенести через таможню, где шманают по полной? Вопрос вопросов. Генка задумчиво чесал репу и продолжал мечтать о больших деньгах дальше.

Идея с переодеванием в бабку ему понравилась. Тут мог пригодиться опыт, посещаемого когда – то драмкружка. Вообще в детстве Генка хотел стать актером. Его кумиром был Караченцев. Но как-то не сложилось, не срослось и, стал он водителем троллейбуса. Да. Да. Такого с рогами. Ох уж эти рога! Генка их терпеть не мог. Падали в самый неподходящий момент. Зарплата мизер, а нервов сколько тратится...

Найти бабушачью одежду – дело не хитрое. По выходным дням на барахолке возле центрального рынка можно купить всё. Даже чёрта, если очень нужно. Побродил Генка между рядами, нашел пропитанное нафталином длинное черное платье, пару платков, растоптанные туфли и старую потертую сумку. За нее и деньги отдавать было жалко. Такую можно на помойке бесплатно найти. Но ради дела решил Генка не мелочиться.

Тут же нашел много самовязанных вещей и шерстяных клубков. Быть просто бабкой его не устраивало. Он придумал себе образ бабки – вязальщицы. Она не просто так через таможню будет шлындать, а носить вязанное барахло на рынок по ту сторону границы на продажу. Змей транспортируют в холщевых мешочках. Сидят они в них тихо и не шипят. Никакого наркоза не надо. А мешочки эти можно запрятать в вязанные носки. Кто их будет проверять? Да никто!

«Гениально!», – сам себя хвалил Генка, накладывая грим, который тоже, кстати, прикупил на барахолке за копейки. Облачившись во все черное, он посмотрелся в зеркало. Оттуда на него пялилась страшная бабка. Страшнее атомной войны, наверное. Получилась смесь монахини и смерти в одном лице. Генка остался доволен, – «С такой точно никто связываться не станет». И отправился на почту для проведения «полевых испытаний».

Коммуналку оплачивать еще не пришло время, поэтому решил купить конверт. Почта встретила знакомым запахом корвалола, он ей ответил тем же. Народ, завидев скорбящую старушку, добровольно расступился и предоставил ей свободное окошко.

Генка проскрипел противным голосом:

– Конвертик, мне, милочка.

Получив, дрожащей рукой просимое, он долго считал мелочь, спрятав ее глубоко в ладони. Народ стал вздыхать со стоном.

Один мужик не выдержал, сунул в окошко пятьдесят рублей и гаркнул касирше:

– За бабушку! Сдачи не надо.

Испытание прошло на отлично, Генка остался доволен. «А может в актеры податься? Ну ее эту контрабанду! Еще посадят».

Почесал Генка репу и пошел в местный театр на работу проситься.

Муму

С младенчества Маша поняла, что плакать и звать маму совершенно бесполезно. Мама ее не слышала. Впрочем, как и папа. Угораздило Машку родиться в семье глухих. Отец тот еще мог произносить что-то членораздельное, а вот мать только мычала и называла дочь Махой и то по слогам. Сначала она, как маленький козленок, протяжно звала: «Мааа», потом выдыхала, будто поперхнулась: «ха». Так и жили.

Маша росла замкнутой, стеснительной, молчаливой. И не удивительно, ведь большую часть времени она проводила в тишине. Отца Маша любила, а вот мать... Мать она стыдилась. У других девочек мамы, как мамы. Они вместе ходили по магазинам, гуляли, ели мороженное и разговаривали. Разговаривали, а не выдвигали кренделя пальцами на уровне глаз. Очень Машке не хватало именно этого – полноценного общения.

В классе с ней не дружили, а те, кто знал ее родителей, шарахались, как от прокаженной. Обзывали. Обиднее всего была кличка, которую ей дал Вовка Гудков: «Муму». Она ненавидела этого долговязого и белобрысого мальчишку с бесцветными глазами, как у рыбы. Машка иногда представляла себе, как разбивает ему кулаком нос и по его лицу текут слезы, смешиваясь с кровью. Но на деле, она делала вид, что не слышит обидной клички и вообще ничего, что говорят у нее за спиной. «Я глухая», – внушала себе Машка и проклинала Бога, за то, что родилась на этот свет.

А в тринадцать пришла другая беда: начала расти грудь. Да так быстро, что уже пора было лифчик надевать, а его не было. Покупать одежду Маша всегда ходила с отцом, но в этом деле он был ей не помощник. Мужчина все – таки.

Чтобы грудь была менее заметна, Машка поддевала под форму старую маленькую футболку в обтяжку и очень сильно сутулилась. Но на уроках физкультуры она не знала куда деться от насмешливых взглядов одноклассников. Валентина Петровна – учительница физкультуры как – то после урока отвела Машу в сторону и прошептала: «Юрьева, скажи матери чтобы лифчик тебе купила». Машкино лицо и без того красное, запыхало еще сильнее. Она молча кивнула и больше на уроки физкультуры не ходила. Прогуливала.

Как Машка не пыталась спрятать свою рано выросшую упругую грудь, которой могла бы позавидовать любая зрелая женщина, ее стали замечать не только одноклассники.

Однажды Машку заловили в раздевалке мальчишки из 7 «Б», накиннули ей на голову куртку и облапали. Она сжалась в комок и молча плакала. Потом еще долго сидела на полу в раздевалке, не решаясь выйти.

На следующий день Маша в школу не пошла. Она долго бродила по заброшенной стройке, размышляя о жизни, о ее несправедливости и пришла к выводу, что жить ей совсем не хочется. Особенно после вчерашнего.

Мысль прыгнуть с третьего этажа пришла, как – то обыденно. Ничуть не пугая. Маша постояла на краю бетонного перекрытия несколько минут и прыгнула.

Очнулась она в больнице. Рядом с ней на стуле сидела пожилая женщина в белом халате. Ее каштановые вьющиеся волосы непослушно выбивались из – под колпака.

– С возвращением, летчица, – улыбаясь, проговорила она.

Маша застонала от нестерпимой боли в ногах и спине. Стало трудно дышать. Из глаз потекли горячие слезы, затапливая ушные раковины.

– Ничего. Ничего. Мы тебя на ноги поставим, – сказала доктор, вытирая салфеткой Машкины слезы.

– Не надо, – еле выговорила Маша непослушными сухими губами.

– Что не надо? Вытирать?

– Лечить

– Таааак. Это еще что за разговоры? Ну, ладно. Ты сейчас поспи, а потом мы решим лечить тебя или нет.

Она сделала Машке укол от которого стало легко и спокойно, как в детстве. Мысли куда – то улетучились, в голове играла тихая музыка. Или не в голове? Маша уснула.

Через два дня она рассказала Вере Петровне – своему лечащему врачу, той женщине с каштановыми волосами про себя, своих родителей, про лифчик и про «Муму».

Вера Петровна внимательно слушала. Хмурилась. Глаза ее то наполнялись слезами, то выражали решительность и даже злость. Когда Маша замолчала, женщина покачала головой и глядя девочке прямо в глаза, спросила:

– А тебе не приходило в голову, что ты появилась на свет не просто так? А для какой – то цели?

– Для какой? – удивленно спросила Маша.

– Ну, например помогать и защищать своих родителей и таких, как они. Кто будет вникать в язык жестов или пытаться как – то понять их? А ты будешь их ушами и голосом. Понимаешь?

Маша неуверенно кивнула.

– Но для этого тебе самой надо стать сильной и не давать себя в обиду. А лифчик мы тебе купим, как только сможешь ходить, так сразу и отправимся по магазинам. Знаешь, мне Бог не дал деток, а мне бы так хотелось иметь дочь, похожую на тебя. Поэтому, разреши мне побыть немного мамой.

Вера Петровна погладила Машу по голове и вышла из палаты, украдкой вытирая слезы.

Маша долго думала об этом разговоре. О своих родителях, а точнее о маме. Она сейчас совсем по – другому взглянула на нее со стороны. А ведь мама когда – то тоже была девушкой и, ей скорее всего, было гораздо труднее чем ей – Маше жить в этом несправедливом мире. Но она предпочла жить.

Маше стало ужасно стыдно за себя, за свою слабость, за свое молчание. Теперь она точно знала для чего родилась.

В школу Маша вернулась к середине четвертой четверти. Она еще хромала, но ходила без костылей.

– Муму вернулась! – первое что она услышала, войдя в класс. Вовка Гудков вытирал доску и ехидно улыбался, прищулив свои рыбки глаза.

Маша молча подошла к нему и ударила со всего маха кулаком по носу. Гудков отшатнулся, заскулил по – щенячьи, схватившись обеими руками за лицо. На голубую рубашку тонкой струйкой текла алая кровь.

Девочка обвела взглядом притихший класс и громко спросила:

– Кто следующий?

Мурка

Мурка проснулась от резкого неприятного запаха. Хозяин пил странную жидкость, от запаха которой Мурке стало не по себе. Сначала ей захотелось спрятаться в платяной шкаф и вдыхать застарелый запах пыли, исходящий от длинного черного драпового пальто. Потом не понятно почему, возникло желание поорать и потопотеть задними лапами по выцветшему ковролину.

Мурка бесшумно спрыгнула с кресла и подошла к дивану, на котором сидел хозяин. Потерлась о его ноги в домашних тапочках в крупную клетку. В ответ хозяин погладил Мурку по ее маленькой, почти как у котенка теплой голове. От руки исходил неприятный запах и, Мурка недовольно задергала хвостом. Ловко увернулась от руки и упав на ковролин, стала кататься на спине. При этом она громко утробно мурчала.

В ее узкой, почти бесшерстной груди зарождался неведанный ей до этого времени вопль. Он метался по грудной клетке, пытаясь вырваться наружу. Сильно давил на сердце, заставляя его ныть. Потом бился в диафрагму, мешая дышать, пока она не вытерпела и не заорала: «Мааааааууу».

Испугавшись саму себя Мурка волчком закружилась на месте и исчезла в темноте шкафа. Привычные с детства запахи хозяйской одежды ее успокоили. Проспав в шкафу до позднего вечера, Мурка проголодалась и тихонечко выбралась наружу.

Белая керамическая миска с разноцветными рыбками была пуста. Кошка ткнулась мордочкой в стоящую рядом поилку, намочив усы, громко фыркнула, и направилась в комнату хозяина. Он лежал на диване, свесив одну руку почти до пола. Рядом лежал последний шестнадцатый том «Саги о Форсайтах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.